

Ю.С. КУДРЯШОВА

О ПРОЯВЛЕНИИ НЕООСМАНСКИХ АМБИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ТУРЦИИ

*Кудряшова Юлия Сергеевна, к.и.н., старший научный сотрудник
Центра евро-атлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: kudryashova_jul@mail.ru*

Аннотация

Турция, увлекшись ролью образцовой модели для суннитских государств, задалась целью стать лидером всего исламского мира, восстановить сферу влияния Османской империи. Анкара заметно изменила приоритеты своей внешней политики, сместив акценты в сторону Ближнего Востока, и взяла курс на постепенное дистанцирование от Запада с учетом собственных взглядов на мировую и региональную ситуацию. Задача Турции заключалась в том, чтобы не выходить за рамки западного альянса, но при этом максимально продвигать свои национальные интересы. Политическое руководство Турции стало планомерно использовать любую возможность для продвижения неоосманских устремлений, а также модели турецкой демократии на Ближний Восток и в Северную Африку. Данный процесс подкреплялся динамичным развитием экономики Турции. Однако очевидно, что на данный момент цели неоосманистской политики Турции недостижимы из-за их чрезмерной амбициозности и отсутствия ресурсов для их осуществления.

Ключевые слова: *Турция, Ближний Восток, курды, Сирия, арабская весна, Исламское государство.*

Исламистская «Партия справедливости и развития» (ПСР), пришедшая к власти в 2002 г. и по сей день определяющая политическую повестку Турции, изначально стремилась использовать религиозную идеологию в качестве инструмента продвижения турецких национальных интересов не только на Ближнем Востоке, но и в остальных регионах, населенных преимущественно мусульманами. В разделе программы ПСР, посвященном внешней политике, подчеркивается, что она должна соответствовать историческому наследию и географическому положению Турции¹. После внимательного прочтения документа становится очевидным, что он представляет собой проект реставрации цивилизационной идентичности. Программа определяет турецкую нацию в качестве «наследницы и

¹ Ak Parti Programı: Dış Politika. URL: http://www.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi#bolum_

носителницы великой цивилизации, в средоточии которой находится единство и братство в условиях разнообразия», и обещает, что все правительственные институты и структуры будут защищать это цивилизационное наследие. Документ также очерчивает основные рамки возрождения страны: «Мы будем делать все возможное, чтобы укреплять приверженность наших граждан нашим исконным цивилизационным ценностям».

Согласно этому документу, Турция находится «на пороге нового культурного пробуждения», которое «станет универсальным цивилизационным призывом ко всему человечеству и установит господство ассимилирующей культуры». Но обозначенная внешнеполитическая линия вовсе не пропагандирует экспансионизм: речь идет об общественно-политическом проекте, который должен быть реализован в форме интеграции.

Так во внешнеполитической стратегии Турции на Ближнем Востоке, Балканах и постсоветском пространстве стала претворяться в жизнь концепция турецкого глобализма. Основная ее идея заключается в усилении глобального характера турецкой внешней политики, равноценными направлениями которой будут и западное, и восточное с опорой на бывший османский мир, то есть на страны и народы, ранее входившие в состав или сферу влияния Османской империи, правопреемницей которой выступает современная Турция [2, с. 110]. В этих стратегически важных государствах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Черноморского бассейна, Кавказа, Балкан Турция должна играть более активную геополитическую роль и оказывать влияние на региональные процессы. Ряд громких заявлений на самом высоком уровне свидетельствуют о возрождении идей воссоздания Османской империи. В частности, вице-премьер Нуман Куртулмуш подчеркнул, что ее развал связан не с потерей территорий, а с утратой амбиций и культуры².

Автором внешнеполитической концепции неоосманизма считается бывший глава МИД, а в настоящее время — турецкий премьер профессор Ахмет Давутоглу. Партия справедливости и развития, пришедшая к власти в период начала реализации Вашингтоном проекта «Большой Ближний Восток», первоначально стремилась совместить свою внешнеполитическую линию с американской, следуя тезису «представлять силу в регионе, опираясь на глобального гегемона», выраженному в книге Давутоглу «Стратегическая глубина» [3]. Поэтому премьер-министр Эрдоган первоначально объявил себя «сопредседателем» проекта «Большой Ближний Восток».

Впоследствии Партия справедливости и развития, увлекшись ролью образцовой модели для суннитских государств, задалась целью стать лидером всего исламского мира, восстановить сферу влияния Османской империи. Воплотить эту идею означало бы перехватить внешнеполитическую повестку у региональных тяжеловесов — шиитского Ирана и ваххабитской Саудовской Аравии.

Турецкий министр иностранных дел Давутоглу подчеркивал, что традиционная внешняя политика, делавшая ключевую ставку на США, ЕС и НАТО при второстепенном значении региональных альтернатив, неоднократно приводила к тому, что страна оказывалась в изоляции на мировой арене. Он последовательно доказывал, что конец «холодной войны» дал Турции историческую возможность стать мировой державой, если она будет руководствоваться экспансионистской внешней политикой, основанной на исламистской идеологии. Согласно Давутоглу, Турция должна добиться доминирования на Ближнем Востоке, Балканах и Кавказе и таким образом расширить сферу своего влияния.

В результате Анкара, начиная с 2009 г., заметно изменила приоритеты своей внешней политики, сместив акценты в сторону Ближнего Востока, и взяла курс на постепенное дистанцирование от Запада с учетом собственных взглядов на мировую и региональную ситуацию. Задача Турции заключалась в том, чтобы не выходить за рамки западного альянса, но при этом максимально продвигать свои национальные интересы. Все смелее начало озвучиваться мнение, что глобализация и переговорный процесс с ЕС вымывают идею мусульманской цивилизации. Геополитической стратегией Партии справедливости и развития стала защита правоверных на стыке исламского и западного миров. При этом Турция использовала традиционную риторику о своей роли связующего звена между Западом и Востоком, позиционируя себя перед арабскими странами как государство, способное на равных договариваться с немусульманскими державами [1, с. 98]. Анкара, чьи

² Trend News Agency, 22.12.2014

демократические стандарты постоянно становятся объектом критики в Европе, сама решила экспортировать демократию.

Еще в недавнем прошлом Турция изображалась в регионе в качестве образца светской, плюралистической, демократической структуры. Политическое руководство Турции стало планомерно использовать любую возможность для продвижения своих неоосманских устремлений, а также модели турецкой демократии на Ближний Восток и в Северную Африку. Данный процесс подкреплялся динамичным развитием национальной экономики.

В своей региональной политике турецкий МИД руководствовался «треугольниками профессора Давутоглу»: внешний – в лице Турции, Ирана и Египта; внутренний – Турция, Ирак, Сирия, Саудовская Аравия, «пассивный» – Турция, Ливан, Иордания и Палестина. НАТО начала терять стратегическую значимость для турецкой внешней политики, фактически приостановились мероприятия, направленные на развитие приоритетного направления – интеграции в ЕС. Междутем очевидно, что турецкие власти, даже максимально приблизившись к реализации идеи превращения в лидера мусульманского мира, не пойдут по ложному пути дальнейшего отдаления от Запада. На долю ЕС приходится 40 % турецкой внешней торговли, 70 % прямых иностранных инвестиций в Турцию, более 50 % доходов ее туристической отрасли³. Североатлантический альянс сегодня владеет 70 % мировых вооружений. Исламские государства не в состоянии создать подобный военный блок. Несмотря на то что почти 90 % мировых энергоресурсов экспортируется из мусульманских стран, на долю 57 исламских государств приходится всего 7 % мирового производства. Население 22 из 48 беднейших стран земного шара исповедует ислам⁴.

Ситуация в мусульманских государствах осложняется еще и тем, что сегодня многие из них оказались в ловушке невежества и фанатизма. Большинство стран исламского мира занимают самые низкие позиции в рейтингах развития науки, технологий, инноваций, литературы, искусства, архитектуры. Политической моделью для мусульманских государств Турция может стать только имея достижения в области науки и технологий, безопасности и стабильности, демократии и прав человека. Но в этом случае Турция также приобретет одно из приоритетных значений для НАТО и ЕС.

Тем не менее неоосманистский уклон турецкой внешней политики обусловлен рядом вполне реальных факторов. Турция является частью Ближнего Востока и единственным членом НАТО в этом регионе. Исторически значительная часть Ближнего и Среднего Востока входила в состав Османской империи. Серия международных договоров в рамках Версальско-Вашингтонской системы определила во многом искусственные границы новых государств в интересах держав-победительниц, игнорируя исторические, этнические и культурно-языковые факторы. Послевоенный раздел коснулся и земель Османской империи. Среди многочисленных пунктов этих договоров можно выделить самые важные: современные Ливан и Сирия становились подмандатными территориями Франции; Палестина, Иордания и Месопотамия (Ирак) переходили под мандат Великобритании; остаток османских владений в Европе, кроме примыкающих к Стамбулу вилайетов, передавались Греции; Турция теряла Аравийский полуостров, Ливию, острова в Средиземном море.

Региональная трансформация Ближнего Востока в рамках Версальско-Вашингтонской системы стала причиной многих современных конфликтов. К ним относятся, в частности: палестинская проблема, кипрский конфликт, гражданская война в Ливане и Сирии, распад государства Ирак, курдское движение, появление Исламского государства как попытка восстановить единство Леванта на религиозной основе, Боснийская война и другие горячие точки на Балканах. И даже агрессию Саудовской Аравии против Йемена можно связать с разделом османского наследства: оба государства возникли на основе бывших вилайетов Йемен и Хиджаз. Сюда также относятся бесчисленные конфликты, затрагивающие алавитов, ассирийцев, друзов, ближневосточных христиан и другие этно-религиозные группы, входившие в многонациональную Османскую империю. Кроме того, Турция вынуждена учитывать региональную геополитическую и военно-стратегическую активность США и ведущих стран ЕС, особенно в Ираке и Сирии, что основательно подрывает былое значение Анкары для Запада на Ближнем Востоке.

³ Project Syndicate, 14.03.2015

⁴ Zaman, 09.05.2014

В первые годы реализация концепции неоосманизма дала видимые положительные результаты. Турция предприняла значительные шаги по развитию контактов с арабскими странами, были отменены визовые режимы с Сирией, Иорданией, Ливаном, Ливией, Тунисом, Марокко. С целью усиления регионального влияния Турция стала активнее вмешиваться в решение палестинской проблемы и в ближневосточное урегулирование. Анкара даже пошла на обострение отношений с Тель-Авивом, чтобы сломать существующий в арабских странах стереотип Турции как союзницы Израиля. Но в полной мере неоосманизм в турецкой внешней политике проявился на фоне арабской весны.

Турция стала одним из первых государств, признавших постреволюционные режимы в Тунисе, Ливии и Египте. Анкара попыталась выступить политической моделью сочетания светского общества и мягкого ислама для арабских стран, где произошли революционные потрясения. Участвуя в политических митингах, Эрдоган призывал население этих государств к возрождению религиозно-общинного сознания, которое стремился вытравить Запад в постколониальный период. Идея исламского союза, который не зависит ни от шиизма или суннизма, ни от этнической принадлежности, находила повсеместный отклик. С похожими лозунгами пришли к власти: Мурси в Египте, самой влиятельной стране арабского пробуждения, Ганнуши в Тунисе, *Партия справедливости и развития* в Марокко, Хания в Газе. Характерным явлением стали турецкие флаги на улицах этих государств, настенные постеры с портретами Эрдогана, турецкие морские суда в портах, турецкие подрядчики в строительном бизнесе.

С особым энтузиазмом Турция восприняла устранение от власти в Египте Мубарака, которого турецкое руководство считало основным соперником за лидерство в регионе. В ходе событий в Ливии Анкара присоединилась к коалиции НАТО, но здесь Турции была отведена второстепенная роль.

Анкара взяла на себя миссию главной опоры вооруженной оппозиции Сирии, ведущей борьбу против режима Башара Асада. Однако в настоящее время процесс урегулирования сирийских проблем проходит при минимальном участии турецких властей, которые традиционно выступали в качестве посредников на региональных переговорах. Вытеснение Турции за рамки переговорных процессов ощутимо ударило по ее репутации ключевого представителя Запада в мусульманском мире. Наряду с этим, курдская проблема стала одним из факторов ограничения региональной активности Турции.

Между тем арабскую весну удастся остановить, и одна за другой происходят контрреволюции: в Египте переворот, в Тунисе попытка переворота, в Ливии хаос и террор, в Ираке война мазхабов, Йемен становится заложником терроризма, Алжир вступает в междоусобицу, сектор Газа оказывается в блокаде. На фоне политических и социальных беспорядков к власти в лучшем случае снова приходят диктаторы. Президента-исламиста Мухаммеда Мурси свергли военные в Египте, президент Башар Асад удержался у власти в Сирии, а против Исламского государства образовалась международная коалиция, к которой Турция как член НАТО была вынуждена присоединиться и даже согласиться на участие в антитеррористической операции курдских ополченцев. Более того, Каир стал позиционировать себя в регионе в качестве геополитического противовеса Анкары и начал выдавливать Турцию из процесса ближневосточного урегулирования. Египет даже пошел на создание антитурецкой коалиции с Грецией и Кипром из-за спора по поводу нефтяных и газовых запасов в Восточном Средиземноморье. В свою очередь Ирак не приемлет вмешательство Турции во внутрисирийский конфликт. Расхождение позиций Анкары и Багдада по ситуации в Сирии значительно осложнили турецко-иракские отношения.

В совокупности данные события демонстрируют провал внешнеполитического курса Эрдогана, который делал ставку на исламистские движения на Ближнем Востоке. Трагические последствия арабской весны, политический провал «Братьев-мусульман», стойкость режима Башара Асада, несмотря на поддержку суннитскими государствами противостоящих ему джихадистских террористов, — все эти факторы лишили проект реставрации Османской империи будущего.

Турция не сумела вовремя понять, что арабо-иранский конфликт — это борьба за региональное лидерство, а суннизм и шиизм — лишь инструмент и предлог во внешней политике Саудовской Аравии и Ирана. Провал идеи неоосманизма кроется в том,

что региональная активность Турции подпитывалась за счет этнической, мазхабной и религиозной напряженности. За рубежом под влиянием иррациональности и непредсказуемости действий Турции начал формироваться негативный имидж страны. Более того, как следствие неоосманистских амбиций и экспансионистской политики турецкого правительства в регионе возникло представление о Турции как об авторитарном и жестком режиме, модели «одного человека», где ущемляются демократические свободы.

Отказавшись от нейтральной позиции, которой турецкие власти придерживались последние десятилетия, и поддержав радикальные исламистские движения, Турция восстановила против себя большинство стран региона. На Ближнем Востоке не осталось практически ни одного дружественного Турции государства. Ключевые региональные игроки Дамаск, Тель-Авив, Каир, Багдад становятся политическими противниками Анкары. От Эрдогана и его деятельности на Ближнем Востоке начала отворачиваться даже *Сирийская свободная армия*.

При этом саудовская и катарская монархии заинтересованы в участии Турции в сирийском конфликте только в качестве посредника передачи политической власти от шиитского меньшинства суннитскому большинству. Продолжая принятый ею тупиковый курс на сирийском направлении, Турция рискует оказаться лишь исполнителем внешнеполитической линии соперничающих с Ираном суннитских монархий, окончательно расставшись со статусом исключительного представителя НАТО на Ближнем Востоке. Становится очевидной региональная изоляция Турции. Провалы внешней политики не замедлили сказаться на экономике: зарубежные инвесторы начали выводить инвестиции, замедлился экономический рост. Таким образом, Турция, соблазнившись геополитическими перспективами, не учла такие последствия арабской весны, как пробуждение курдского движения за независимость и возникновение Исламского государства, оставшись один на один с образовавшимися горячими точками у своих границ: в Ираке и Сирии. Террористические организации стремятся использовать турецкую территорию как материально-техническую базу оказания логистической поддержки. Региональная политика Партии справедливости и развития угрожает обернуться импортом войны уже в саму Турцию, и в сложившихся обстоятельствах у Анкары не остается ресурсов для активного проведения неоосманистского курса; страна, скорее, будет вынуждена занять оборонительную позицию.

До начала восстания в Сирии Реджеп Эрдоган проводил доброжелательную политику по отношению к Башару Асаду, стремясь представить Дамаску свое правительство как образец умеренной и демократической исламистской модели. Пытаясь применять «мягкую силу», турецкий президент Абдулла Гюль пробовал повлиять на Асада в начале протестов, чтобы тот запустил демократический переходный процесс. Не увидев никаких проявлений доброй воли со стороны сирийского президента, Эрдоган и Давутоглу поменяли политику по отношению к режиму, и выбор был сделан в пользу поддержки оппозиции. В октябре 2011 г. в Стамбуле прошло учредительное собрание *Сирийского национального совета*. Созданная при поддержке Анкары *Свободная сирийская армия* начала устанавливать контроль над приграничными с Турцией территориями, и силы, поддерживающие режим Асада, были вынуждены покинуть эти места. Турецкая армия подвела танки к границе, а артиллерийская поддержка боевиков со стороны турецкой армии вызвала острое недовольство турецкого общества, причем наиболее сильно оно проявилось среди жителей приграничных с Сирией провинций. По опросам, 72 % турецкого населения выступали тогда против вмешательства в сирийские внутренние дела⁵.

Турция поставила целью во что бы то ни стало свергнуть режим Асада и поставить вместо него союзное исламистское правительство. Политика Анкары была нацелена не на сохранение национального единства Сирии, а на усиление оппозиции, которая уже тогда начала дробиться на части. Турция сделала ставку на «оппозицию», игнорируя подъем радикальных настроений, разногласия между политическим и военным крылом боевиков, трения между Свободной сирийской армией и еще более радикальными группами, включая «Фронт ан-Нусра». Встав на сторону поддержанного Саудовской Аравией и Катаром суннитского большинства и развязав конфликт между умеренными, исламистскими и различными джихадистскими группировками внутри Сирии, Турция вступила в конфронтацию с

⁵ Milliyet. 24.03.2014.

сирийским правительством, шиитским Ираном, его союзником Ираком и ливанской Хезболлой. Более того, в Сирии возникла группировка «Исламское государство Ирака и Леванта», которая атаковала поддерживаемые Турцией силы сирийской «оппозиции». Анкара, наконец, начала осознавать отсутствие связи между «умеренными» исламистами из *Сирийского национального совета* и теми, кто сражается за создание исламского халифата.

С того момента как группировки «Исламское государство» (ИГ) и «Фронт ан-Нусра» закрепились в Сирии, продолжающаяся война между иракскими суннитами и шиитами вышла за пределы Ирака, постепенно охватывая территории Ливана, Иордании и Турции. Усилившиеся в ходе суннитско-шиитской войны благодаря поддержке Запада, нефтяных монархий и Турции джихадистские организации создали единое поле боя в Ираке и Сирии и угрожают дальнейшим расширением своих «владений».

Таким образом, Турция, с одной стороны, способствовала разжиганию региональной войны на Ближнем Востоке, в первую очередь непосредственно вмешавшись в сирийские события; с другой стороны, активизировав своей политикой деятельность «Курдской рабочей партии» и «Исламского государства», турецкое правительство импортирует вспыхнувшую войну на свою территорию. Турцию наводнили почти два миллиона сирийских беженцев, в стране с пугающей регулярностью происходят теракты, уносящие все больше жертв. Сохранение притока беженцев на сложившемся уровне несет риск дестабилизации приграничных с Сирией регионов. Беженцы приносят с собой межобщинную и политическую напряженность.

Логика сложившихся обстоятельств подсказывает, что «Исламское государство» является объективным союзником Турции в регионе, так как Анкара стремится использовать джихадистов в борьбе и против Дамаска, и против курдов. Хотя на официальном уровне турецкие представители всячески опровергают этот факт, но существует множество свидетельств, прежде всего результатов журналистских расследований, что Турция оказывает ИГ военную, финансовую и логистическую поддержку, являясь основным каналом переброски туда зарубежных джихадистов и оружия. Через Турцию ИГ поставляет нефть на черный рынок. Президент Сирии Асад открыто обвиняет турецкие власти в безостановочном снабжении террористов — боевиков ИГ⁶. Действительно, поражение Исламского государства консолидирует курдское движение в треугольнике Ирак — Сирия — Турция. С другой стороны, если ИГ разгромит курдов, террористы усилят свои позиции не только в рамках сегодняшних границ, но и на юго-востоке Турецкой Республики.

До сирийских событий иракские курды под руководством Масуда Барзани проводили очень лояльную политику по отношению к Анкаре. В то время как США были вынуждены остановить разведку богатых газовых месторождений в Ираке из-за нестабильности, их союзник Турция стала закупать газ в иракском Курдистане, не согласовав свои действия ни с Багдадом, ни с Вашингтоном. При этом Анкара пыталась взаимодействовать с центральным иракским правительством в области защиты конституционных прав курдов. На фоне постепенного распада Ирака Курдская автономия все сильнее привязывалась к Турции, особенно в сфере энергетики. Добываемый в этом регионе газ может экспортироваться только через турецкую территорию. Так, еще в 2012 г. начались переговоры о транзите курдской нефти через Турцию, и уже в мае 2014 г. из турецкого порта Джейхан вышел первый танкер с нефтью из северного Ирака. При этом путь транспортировки в Европу газа, подконтрольного центральному иракскому правительству, также лежит через Турцию. Ранее Ирак был вторым по величине экспортным рынком Анкары. Однако в 2014 г. объем турецкого экспорта в эту страну существенно снизился. Таким образом, Анкара способствовала обособлению курдской автономии, усиливая тем самым нестабильность в Ираке и напряженность в отношениях с Ираном.

Между тем, несмотря на серьезные противоречия между иракской Демократической партией Курдистана и турецкой «Курдской рабочей партией» (КРП), а также *Демократическим союзом сирийских курдов*, угроза со стороны «Исламского государства» сплотила все курдские движения. Образование второй после Ирака автономии курдов в Сирии создает для Турции чрезвычайно опасный прецедент. Если Анкара будет активнее поддерживать выступающие против курдской автономии силы сирийской оппозиции, КРП может снова

⁶ Syria's President Speaks. Foreign Affairs, March/April 2015.

развернуть боевые действия на турецкой территории. Тем не менее, по словам турецкого министра иностранных дел М. Чавушоглу, Турция поддерживает, вооружает и обучает отряды Пешмерга (курдских ополченцев), которые ведут борьбу с ИГ. Турецкий МИД также подчеркивает, что в сотрудничестве с Вашингтоном Анкара работает над обучением солдат *Свободной сирийской армии* для ведения военных действий с ИГ⁷.

С другой стороны, участие Турции в коалиции против Исламского государства ставит ее под угрозу ответной атаки террористов и перехода на ее территорию движения глобального джихада, что будет дестабилизировать обстановку во всем регионе. В случае успешных действий коалиции против ИГ у джихадистов, которых будут выдавливать с востока через Ирак и с юга через Сирию, останется единственный выход: устремиться на север в Турцию, где боевики возобновят террористическую деятельность, а юго-восточные вилайеты страны могут превратиться в территорию сражений ИГ с курдами. При этом необходимо учитывать, что «Исламское государство» — это не стандартная террористическая организация, ее целью является повсеместное уничтожение исторических и культурных традиций. Ход событий демонстрирует, что в складывающейся ситуации Анкаре необходимо налаживать отношения с Дамаском. Совершенно очевидно, что на данный момент цели неоосманистской политики Турции недостижимы из-за их чрезмерной амбициозности и отсутствия ресурсов для их осуществления.

Что касается российско-турецких отношений, то наравне с совпадающими и относительно близкими позициями в политике Москвы и Анкары в регионе наблюдаются и расхождения. Существует реальная опасность того, что «Исламское государство» станет новым предметом разногласий между Россией и Турцией. Доминирующей темой в современных отношениях России и Турции по проблемам Ближнего Востока является Сирия. Между Москвой и Анкарой наблюдается политическое охлаждение по вопросу дальнейшей судьбы режима Асада.

Большое значение для России имеет наличие военных кораблей в прибрежном сирийском городе Тартусе — на единственной в Средиземноморье российской военно-морской базе. После падения режима Каддафи в Ливии этот порт в Сирии играет важнейшую роль в военно-транспортном арсенале России. Без базы в Тартусе российским кораблям и подводным лодкам будет негде заправляться при нахождении в Восточном Средиземноморье. В мае 2013 г. ВМФ России создал здесь постоянное оперативное соединение. Это — составная часть стратегии по укреплению вооруженных сил и проецированию российской военной мощи в мире. В долгосрочном плане порт способствует обеспечению безопасности России и защите ее национальных интересов. Военно-морские базы в Севастополе и Тартусе обеспечивают присутствие российского флота в Черном и Средиземном морях к северу и к югу от Турции.

У России в Сирии есть и серьезные экономические интересы. Общая сумма сирийских контрактов с российской оборонной отраслью превышает 4 млрд долл.⁸ Российская государственная компания «Союзнефтегаз» еще в декабре 2013 г. подписала с Асадом контракт на разведочные работы в сирийских водах восточного Средиземноморья, где были обнаружены месторождения природного газа.

Действия России по оказанию помощи правительству Асада вызывают сопротивление со стороны суннитских фундаменталистов. Очевидно, что при гипотетическом падении действующего режима к власти в Сирии придут исламисты крайнего толка, которые несут угрозу стабильности южных регионов России. Более того, против правительства Асада в рядах связанных с «Аль-Каидой» джихадистских группировок воюют чеченские боевики, перспектива возвращения которых в Россию несет дополнительную угрозу. Продолжительная дестабилизация ближневосточного региона угрожает Москве тем, что присоединяющиеся к ИГ «джихадисты» с российским гражданством могут, вернувшись назад, начать распространять по стране свою идеологию и совершать теракты.

Очевидно, что в проведении ближневосточной политики Россия и Турция находятся на различных позициях. Если Анкара благосклонна к «арабской весне» и интервенционистскому подходу, то Россия относится к ближневосточным переменам весьма скептически и

⁷ No: 212, 24 Temmuz 2015, ABD ile DEAŞ'la Mücadele Konusunda Varılan Mutabakat Hk. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-212_-24-temmuz-2015_-abd-ile-deas_la-mucadele-konusunda-varilan-mutabakat-hk_.tr.mfa

⁸ Tablet, 17.03.2014.

предпочитает от них дистанцироваться. В то время как Турция остается одним из основных сторонников сирийской «оппозиции», Россия — важнейшая сила, обеспечивающая поддержку правительству Асада. Иран, наиболее серьезный конкурент Турции на Ближнем Востоке, — ключевой союзник России в регионе. При этом по сравнению с Россией возможности внешнеполитических маневров Турции на Ближнем Востоке существенно более ограничены.

Тем не менее, если Турция потерпит фиаско в проведении своей неоосманистской политики на Ближнем Востоке, она может переключиться на концепцию пантюркизма, тогда ее внимание будет в большей степени обращено на регионы Черного моря, Кавказа, Центральной Азии и даже российские территории, населенные этническими тюрками. Подобный разворот в турецкой внешней политике может привести к настоящей конфронтации между Москвой и Анкарой.

Вместе с тем Россия и Турция продолжают диалог на высшем уровне и прилагают усилия к тому, чтобы несоответствия политических взглядов не помешали развитию двусторонних отношений. Несмотря на возникновение ряда проблем, Турция продолжает поддерживать конструктивный и осторожный диалог с Россией. В свою очередь Москва заинтересована в выстраивании стратегического партнерства с Анкарой и должна способствовать недопущению дестабилизации Турции в связи с событиями на ее южных границах даже при наличии разногласий по сирийскому урегулированию.

MANIFESTATIONS OF NEOOSMANIST AMBITIONS IN CONTEMPORARY REGIONAL POLICY OF TURKEY

*Yulia Kudryashova, PhD (History), Senior Researcher at the Center
of Euro-Atlantic Security, IIS, MGIMO-University.
119454, 76 Vernadsky Ave, Moscow, Russia. E-mail: kudryashova_jul@mail.ru*

Summary

Turkey carried away by the role of the model for Sunni states aimed at becoming the leader of Islamic world and reestablishing the Ottoman Empire's sphere of influence. Ankara distinctly changed priorities of its foreign policy in favor of the Middle East and pursued a course of gradual dissociation from the West subject to its own views at world and regional situation. Ankara's task was not to exceed the limits of Western alliance, but for all that to advance at most its national interests. Turkey's political leaders systematically used any opportunity to promote neoosmanist aspirations and the model of Turkish democracy in the Middle East and Northern Africa. The dynamic development of Turkish economy supported this process. However at this time the goals of Turkish neoosmanist policy are unachievable because of their excessive ambition and lack of resources for their realization.

Keywords: *Turkey, Middle East, Kurds, Syria, Arab spring, Islamic State.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Михеева Н.М. Перспективы Турции как регионального лидера в условиях трансформации Большого Ближнего Востока // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. «Книги и брошюры ИМИ». Том 27. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
2. Мкртычян А.А. Особенности внешнеполитической стратегии и ближневосточная политика Турции в условиях геополитических трансформаций // Турция: новые реалии во внутренней политике и участие в региональных геополитических процессах. «Книги и брошюры ИМИ». Том 27. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
3. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. — Küre Yayınları, 2009.